

Марк Рабинович

За полчаса до Конца Света

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Рабинович
За полчаса до Конца Света

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рабинович М.

За полчаса до Конца Света / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96313-9

Эта повесть завершает пенталогию, начатую "Приговоренными к жизни" и продолженную "Хамсином", "Саброй" и "Старостью". На этот раз действие переносит нас в 1962 год, накануне Карибского Кризиса. Старые знакомые: подполковник ГРУ Гречухин, израильтянин Шойхет (бывший Резник) и американский фермер Кранц, объединяются , чтобы спасти мир от термоядерной катастрофы. В США, СССР и на Кубе, среди генералов и членов Политбюро ищут они Всадников Апокалипсиса - разжигателей Третьей Мировой. Они должны успеть, ведь уже идет обратный отсчет. В этом им помогают старые знакомые, уже встречавшиеся нам в других книгах пенталогии: Натан Розенфельд, Вольф Мессинг, маршал Рокоссовский, Ричард Пайпс и Клод Белвью. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96313-9

© Рабинович М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Утро термоядерного мира	7
Старые друзья	17
Жизнь в страхе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Рабинович

За полчаса до Конца Света

Пролог

Н-ский полк ПВО, Московская область, октябрь 1962

Лейтенанту Вуколову¹ уже который год снился один и тот же мерзкий сон. Как и всякой порядочный ночной кошмар, он был хоть и иррационален и туманен, но все же основан на реальных событиях. А события те затронули Павла Семеновича в далеком 53-м году, когда его, свежесыпущенного младшего лейтенанта, командировали на Семипалатинской полигон "двойку". Вуколов вовсе не был новичком в армии. Последний год той страшной войны он прошел рядовым, воевал всего несколько месяцев, но эти немногие месяцы стоили иной жизни. За эти страшные недели он познал многое и узнал цену как победоносным наступлениям, о которых врут в газетах, так и скоротечным боям, после которых на поле остаются тусклые пятна зеленых и серых шинелей. В Померании его ранили, поэтому сражения на Одере и в Берлине он благополучно пропустил. Потом, после Победы, он отслужил несколько лет в оккупированном Потсдаме и заслуженно считал себя старым служакой, несмотря на возраст. Поэтому учеба в артиллерийском училище была для него, фронтовика, той же службой и давалась легко. А вот теперь он был в растерянности...

На полигоне ничего ему не объяснили, лишь взяли с него очень суровую подписку о неразглашении государственной тайны и велели сидеть тихо и записывать показания непонятных приборов. А еще ему приказали надеть темные очки, подобные тем, что носили пилоты в старых фильмах, и ни за что эти очки не снимать. Очки закрывали половину лица и это было очень неудобно, на полигоне было жарко и пот заливал лицо, но молодой офицер пуше всего боялся невыполнения приказа, что и спасло ему зрение. В тот момент, когда взорвался заряд, Вуколову на миг показалось, что мир изменился, изменились законы физики, которые он учил в детстве. Этот безумный, неестественный свет не мог, просто не имел права существовать в нашем мире. Казалось, что вселенная вывернулась наизнанку и не хотела возвращаться назад. Потом потускнел лиловый гриб и вселенная постепенно вернулась в свое прежнее состояние. Со временем воспоминания потускнели, но и через годы он четко помнил это ощущение невозможности, нереальности происходящего.

И то же самое случалось в его ночных кошмарах. В них неестественно менялось мироздание, выворачивалось наизнанку каким-то незримым термоядерным взрывом, становилось неправильным, чуждым и это терзало его непонятно почему. Наглая вселенная меняла свой облик, вывёртывалась мерзопакостной изнанкой наружу и, в отличии от семипалатинской вспышки, вовсе не собиралась возвращаться обратно. Эта неестественность не принимала конкретных форм и просыпаясь в поту он не мог бы описать словами это отвратительное состояние вывернутости. Но именно оно и терзало его неестественностью своего странного, как вывих сустава, ощущения. Кошмар длился и длился, в то время как он мучительно пытался вырваться из этой тягучей неправильности. Наконец, ему это удалось, он просыпался весь в поту и долго смотрел в потолок, восстанавливая дыхание. В ядерных испытаниях он больше не участвовал, но на службе его ждали "Беркуты" с 10-килотонными боеголовками. Это подпитывало его ночные кошмары и лейтенант клял последними словами свое необузданное воображение.

---

¹ Герой повести "Приговоренные к жизни"

Сегодня ему особенно долго не удавалось освободиться от кошмара. Несколько раз ему казалось что он уже проснулся, но нет, то был лишь очередной слой мерзкого сна и изнанка вселенной все не отпускала и не отпускала. Окончательно разбудил его звонок телефона.

– Паша, ты вообще собираешься отвечать? – проворчала жена полусонно.

Пришлось встать и прошлепать босыми ногами к висящему на стене аппарату. Остатки отвратительного сна постепенно уходили, уступая место ночной прохладе и запаху черемухи за окном. Но голос дежурного в трубке прозвучал продолжением ночного кошмара – полк поднимали по тревоге...

Утро термоядерного мира

Хайфа, февраль 1962

Ицхак Шойхет

Натана я знал еще с 47-года². Во многом благодаря именно ему я попал в эту страну и сей факт не всегда вызывал у меня теплые чувства. Если вы не жили в Израиле, то вам меня не понять. Представьте себе сорокоградусную жару за окном, вентилятор уныло гоняет по комнате раскаленный воздух, периодически прекращая это издевательство при перебоях электричества. Из крана в ванной с трудом льется мутная струйка горячей воды, не освежая, а лишь делая еще хуже. Под окнами орет что-то невразумительное охрипший транзистор, а соседи, выясняя свои отношения, пытаются его перекричать. Можно, конечно, закрыть окно, но это – верная смерть. В такие моменты невольно начинаешь сомневаться в идеалах сионизма и хорошо понимаешь антисемитов. Потом, через день или два жара спадает, с моря начинает дуть прохладный бриз, соседи умиляют своим псевдо-испанским ладино, а транзисторы под окном тихо поют что-то смутно знакомое. Тогда меня снова начинают переполнять идеалы сионизма и чувство благодарности Натану. Но сейчас был февраль и из приоткрытого окна тянуло промозглой сыростью, напоминая осенний Ленинград и вызывая легкую, приятную ностальгию по юности. Только запах моря был пряным и тягучим, совсем непохожим на безжизненную Балтику.

Но мне давно уже следовало поторопиться на службу, по крайней мере, если я собирался перед этим позавтракать. На завтрак меня ожидал всего лишь кусок холодной позавчерашней пиццы, зато по отношению к кофе я не допускал компромиссов. Кофе я всегда мелю сам и обязательно непосредственно перед приготовлением. Кофейные зерна я покупаю только внизу на Портовой улице и только у Хамида. Его дядя известный импортер кофе и в их маленькой лавочке всегда можно найти свежую арабику. Иной раз, под настроение, я даже доверяю хозяину самому жарить зерна. К Хамиду я вообще питаю определенную слабость, ведь он был первым израильянином, с которым я познакомился высадившись в Хайфском порту. Он как раз тогда собирался бежать в Иорданию и до сих пор уверяет меня что именно мое появление на пирсе заставило его передумать. Каким-то образом он испытал ко мне большее доверие, чем к муфтию, а скорее всего ему просто нужен был повод чтобы остаться.

Как видно сегодня мне было не суждено выпить стакан утреннего кофе, потому что требовательно зазвонил телефон на стене, убедительно объясняя кто предполагает, а кто располагает. Подняв трубку, я выяснил, что располагать мною собирается Сима, а точнее – Шуля. Сима – это моя жена, правда бывшая, а Шуля – моя дочка. Ей недавно исполнилось десять и она самое убедительное доказательство того, что дети, в отличии от жен, бывшими не бывают. Обе дамы живут в Рамот Ремез, в престижном районе на склоне Кармели. Вообще-то ту квартиру выделила мне армия, но после развода там осталась моя бывшая, а сам я с облегчением переехал к морю в Бат Галим³.

...Сима в трубке телефона волновалась и периодически переходила на тонкий визг, напоминающий звук семидесятипятимиллиметрового артиллерийского снаряда на излете. Это была хорошо знакомая мне контролируемая истерика. Прорвавшись через ее эмоции я понял что профсоюз учителей опять объявил всеобщую забастовку, поэтому Шулю сегодня не на кого оставить, а Симу и так уже грозились уволить. Я знал, разумеется, что уволить ее, защищенную профсоюзом, было непосильной задачей, посложнее, чем договориться с фидаинами.

---

² Описано в повести "Хамсин, или одиссея Изи Резника".

³ Дословно – "дочь волн".

Она это тоже прекрасно знала и знала, что я знаю. Но почему бы не поэксплуатировать мою любовь к дочке и мое свободное расписание? Тем более, что я обычно не возражаю. Тут она заявила, что у нее кончается последний телефонный жетон, и закончила разговор требованием немедленно приехать.

Мы с Симой прожили вместе без малого десять лет и она знала меня как облупленного, впрочем и я ее тоже. Расстались же мы исключительно из-за моей сволочной службы, которая вынуждала меня месяцами пропадать за границей. Наверное, ей просто надоело просыпаться на краю холодной полупустой кровати. Вы не поверите, но ее уход я встретил с облегчением. Человек я суеверный и никак не могу забыть судьбу тех женщин, которых я любил до нее. Таковых было две и обеих убили. Первая моя любовь погибла на Дороге Жизни, ее поглотила ненасытная Ладога. За нее я мстил долгих два года, вколачивая осколочные и фугасы во вражеские окопы под Ленинградом и Нарвой. Вторую мою любимую убили в центре Рима выстрелом в лицо. Ее убийцу зарезал той же ночью на окраине Великого Города, но удовольствия не получил. Теперь же, после нашего развода, можно было надеяться, что хотя бы Симу минет чаша сия. Вот только дочка...

Но мои размышления прервал еще один звонок. Это как раз и был Натан. Не размениваясь на пожелания доброго утра и вопросы о здоровье, он потребовал моего немедленного присутствия в Тель-Авиве. С командованием все было уже обговорено несмотря на ранний час, а мое согласие Натану не требовалось. Хорошо его зная, я даже не пытался сопротивляться, но попробовал поставить свои условия.

– Я приеду не один – ультимативно заявил я – Со мной будет девушка...

– Какая еще девушка? – заорал Натан – Ты что, совсем свихнулся?

Но тут до него дошло и он продолжил уже тоном ниже:

– А, Шуля что-ли? Ну ладно, пускай приезжает. Только не опаздывайте!

Это, разумеется, была шутка. Он нас до центра Тель-Авива два часа езды, да и то если ехать ночью. Днем это может занять и более трех часов. Ну ничего, за бензин платит армия, а провести пару лишних часов с дочкой я не считал за наказание.

Про кофе пришлось забыть. Я успел лишь наскоро принять душ, почистить зубы модной пастой "Пепсодент" и натянуть свою форму с двумя "фалафелями"⁴ на шевронах. Мой зеленый "Рено" 57-го года, сильно напоминающий трофейные "опель-кадеты" времен Отечественной, был запаркован ниже по улице, почти у входа в Казино. Основательно облупленное здание с признаками приближающегося запустения все еще служило центром развлечений приморских районов Хайфы, хотя его олимпийский бассейн уже не функционировал. Несмотря на громкое название, ни азартными играми ни развратом там и не пахло, но веселья по вечерам было хоть отбавляй. Утром, однако, Казино вело себя тихо, не мешая спать добропорядочным евреям. Мой "Рено" чихнул два раза, поворчал, завелся и начал набирать скорость. Разогнаться мне однако не дали, потому что шлагбаум на железнодорожном переезде был закрыт по случаю нарочито медленного прохождения утреннего поезда. Пришлось ждать, хотя мы с "Рено" направлялись в не такую уж близкую часть города. Чтобы туда попасть, нам предстояло пересечь запущенную Германскую Колонию, весь Адар и подняться вверх сквозь вади⁵. Неудивительно, что дорога заняла почти час.

Обе дамы уже ждали меня у подъезда.

– Папка! – завизжала Шуля и бросилась мне на шею.

Сима мне на шею не бросилась, но улыбнулась довольно мило. То ли день был такой солнечный несмотря на февральскую погоду, то ли я хорошо выспался, но на Симу, в пестрой косынке, светло-серой кофте и темной шерстяной юбке колоколом, было приятно смотреть.

---

⁴ Звание "сган-алуф" примерно соответствует подполковнику.

⁵ Германская Колония и Адар – районы Хайфы. "Вади" – овраг по арабски.

Поэтому пришлось подбросить ее до Электрокомпании, где она служила, то есть, тьфу, работала. Теперь, чтобы выехать на тель-авивскую трассу нам нужно было снова пересечь город. Все это время Шуля непрерывно трещала рассказывая про школу, подружек, учителей и какого-то Алекса. Будь Шуле не десять, а четырнадцать, этот Алекс заинтересовал бы меня много больше, но пока еще у меня было время. По случаю раннего утра машин было мало и за окном быстро промелькнули портовые краны, элеватор и железнодорожный переезд в мой Бат Галим. Теперь справа от нас было море, а слева убежали назад двух-трехэтажные домики, прилепившиеся к склону горы Кармель. Домики сменились хаосом палаточного городка беженцев из Северной Африки. Палатки и навесы соседствовали с полупостроенными серыми параллелепипедами муниципального жилья, в которые вскоре наконец начнут переселять выходцев из Марокко и Алжира, бежавших от погромов гражданской войны.

Наконец город кончился и мы понеслись по не слишком хорошему асфальту. Как-то, еще во время Войны за Независимость, я впервые услышал от Натана его фирменную фразу:

– Немного мужества надо, чтобы сражаться за туманную мечту. Поживи-ка ты лучше в этой стране подольше, да так, чтобы начали раздражать плохие дороги и необязательные люди. Вот если и тогда ты возьмешь винтовку, чтобы ее защищать, то это воистину твоя страна.

Мне помнится, он говорил это чуть ли не каждому новобранцу перед его первым боем, вот только не припоминаю, чтобы это кого-либо разубедило. Люди в массе своей оптимисты и народ был уверен, что Натан так шутит. Да я и сам так думал. Теперь же, через много лет, когда мой "Рено" подпрыгивает на плохо заделанных выбоинах, я вспоминаю его слова и улыбаюсь. Нет слов, французские машины со своими могучими рессорами особенно хороши на наших дорогах. Сюда бы "Победу", которую я правда видел лишь на выставке в Париже.

Склоны Кармели слева приблизились вплотную к шоссе. Ночью здесь опасно сильно разгоняться из-за кабанов, которые шастают из заповедных дубрав слева на склоне в поля справа от дороги поживиться кибуцными корнеплодами. Своим характером израильские кабаны вовсе не похожи на свирепых европейских вепрей и отличаются миролюбивым нравом. Но их миролюбие мало успокаивает когда ты врезаешься на полном ходу в застывшую в ступоре пару центнеров жестких мускулов. Однако сейчас было уже достаточно светло чтобы не бояться хрюшек и все еще слишком рано для пробок. Поэтому мы быстро домчались до Хадеры.

– Папа, меня тошнит! – немедленно заявила Шуля, когда мы начали пробираться через город.

Моя дочка – редкостная хитрюшка. Действительно, еще пару лет назад ее подташнивало в поездках и мы с Симой часто останавливались и ждали, пока ей станет лучше. Ждали мы, как правило, в придорожном кафе и дочка получала что-нибудь вкусненькое в качестве компенсации. Шуля подросла и ее больше не укачивает в машине, но "меня тошнит" осталось нашим семейным кличем, вместо "папа, я хочу..." Шуля не капризный ребенок, а я не слишком строгий отец. Поэтому я без возражений остановил машину около придорожного кафе. Такие заведения в Хадере мало похожи на своих тель-авивских собратьев и представляют из себя всего лишь рубероидный навес на перекошенных столбах со стенами из пластиковых панелей, плохо защищающих от ветра. Но мы с дочкой не привередливы и не снобы. Шуля получила стакан "Темпо-Колы" из крана на стойке и шоколадку "Сладкие Негритята", особо популярную среду детворы в последнее время. Вообще-то ей полагался горячий шоколад, но девица выросла такой же морозоустойчивой как и я и не собиралась мерзнуть в мягкое февральское утро. Себе я налил было стакан примитивного черного кофе, называемого в народе "грязью". Но тут выяснилось, что за загородкой у хозяина есть тщательно оберегаемая кофейная машина, делающая приличный "эспрессо". Этот напиток, если и уступал тому что мы с покойным Томе-ром Хейфецем пили в римском дворце на "четырёх фонтанах", то ненамного. А может быть я просто стал менее требовательным за полтора десятка лет жизни в этой стране?

Таким образом утро начиналось совсем неплохо. Похоже, что на сегодня я был избавлен от бумажной волокиты и собирался посвятить весь день дочке. Вот только разговор с Натаном немного беспокоил меня. Я знаком с ним с мая 45-го, но до сего дня не могу поклясться, что знаю этого человека хорошо. Несмотря на менторские замашки, его стаж в стране ненамного превышал мой и познакомились мы с ним еще тогда, когда я был старшим лейтенантом Красной Армии, а он – лейтенантом британской. Знакомство наше произошло в таком месте, о котором мы оба не слишком любили вспоминать, ведь это был Майданек. Потом жизнь сводила нас еще пару раз, то здесь то там, пока мы оба не оказались в Израиле в самый разгар Войны за Независимость. В свое время Натан жил в кибуце, научился водить трактор и поэтому в начале военных действий попал водителем в экипаж танка небезызвестного Фрэнки-Шермана. Нам пришлось повоевать рядом, ведь я некоторое время был командиром второго "Шермана" этого маленького отряда. Но танкист из меня получился не бог весть какой и вскоре Фрэнки заменил меня на Ежи Гинзбурга, поручика-танкиста из армии Андерса. Натан тоже долго не продержался в танкистах, хотя и провоевал до конца войны. Потом он сделал карьеру в разведке, но я так до сих пор и не знаю, в какой именно структуре он служит, да мне и не интересно. А я в ту войну так и возился со своими пушками, пока меня не ранили под Беэр Шевой.

Мои воспоминания прервала Шуля:

– Папка, ты опять куда-то уедешь? – требовательно спросила она.

– Еще не знаю, малыш – честно ответил я.

Надо сказать, что наш разговор мог бы показаться странным постороннему наблюдателю. Я стараюсь говорить с дочкой по-русски, мотивируя это тем, что еще один язык ей не помешает. Шуля же отвечает мне исключительно на иврите. Так я до сих пор и не знаю, умеет ли она говорить по-русски, хотя понимает несомненно все. Единственные русские слова, которые я от нее слышал, это "каша" и "кошка". Сима, когда мы еще жили вместе, была равнодушна к моим лингвистическим мечтам, лишь иногда вставляя нечто ехидное по-румынски, непонятное ни мне ни дочке. К счастью в кафе по случаю раннего часа было пусто и удивляться было некому, если не считать ко всему привыкшего хозяина.

– Если бы ты не уезжал, мы бы жили вместе – мечтательно протянула дочка.

До последней войны, все так и было. Но вскоре после Синайской Компании мне стало ясно, что если во время войны я еще на что-то способен, то командование воинской частью в мирное время – это явно не мое. После событий 57-го года наша армия, которая в свое время сильно напоминала махновскую, постепенно превращалась в профессиональную и ей нужны были профессиональные командиры. А я, хотя и имел неплохой боевой опыт трех войн и корочки Вест Пойнта, в душе продолжал оставаться глубоко штатским человеком. Первым это, наверное, заметил Натан, но он тактично промолчал. Вторым был Моше Даян, который молчать был в принципе не способен. Тут, наконец-то, дошло и до меня и пришлось что-то решать. Профессии у меня нет и на гражданке мне пришлось бы несладко, но армия обо мне позаботилась. Где-то в кадрах вспомнили мои знания языков и началось... Действительно, кроме английского и немецкого, которыми в нашей стране никого не удивишь, не говоря уж о русском, я знал еще и хорватский. Последний был весьма небезполезен, так как множество стрелкового оружия и артиллерии мы закупали в Югославии. Кроме того, я немного овладел французским во время подготовки к операции "Кодеш"⁶. Повторилась казалось бы давно забытая история 44-го года: мне добавили еще один "фалафель" на погоны и предложили заняться поставками вооружений. Новая должность ознаменовала собой начало конца моей семейной жизни...

Я допил свой кофе и заметил, что утро кончилось, а шоссе начало наполняться машинами. Шуля наконец выпила свою колу, так и не доев "негритят" и мы могли продолжать свой

---

⁶ "Синайская кампания" 1956 года

путь. По мере приближения к Тель-Авиву машин на дороге прибавилось, пришлось снизить скорость и неспешно ползти в потоке грузовиков и автобусов. Разгоняться здесь все равно было опасно, потому что по обеим сторонам дороги теперь тянулись поля кибуцев и сельскохозяйственных колоний – мошавот. Оттуда на шоссе в любой момент мог выскочить с проселка какой-нибудь осел (как в прямом, так и в переносном смысле), презирующий правила движения. И все же мы ехали довольно резво, хотя по мере приближения к Тель-Авиву я со страхом ожидал утренних пробок. Но, похоже, где-то там на юге сдох медведь и пробок почему-то не было.

На северном въезде в город я нашел телефон-автомат и позвонил Натану в офис. К моему удивлению, ответившая секретарша сообщила, что Натан назначил встречу у него дома. Это меня немного озадачило. Дома у него я прежде не бывал, в офисе тоже, а встречались мы обычно в одном из многочисленных кафе на улице Шенкин. Стараясь не выказывать удивления, я записал адрес – улица Йосеф Элиягу, дом 3. Я помнил эту узкую тенистую улицу в самом центре города, всего лишь в паре кварталов от военного городка – Кирии. Натан жил на последнем, четвертом этаже, и мы с Шулей долго поднимались вверх по щербатым ступенькам. Широкий просвет лестницы напомнил мне старые ленинградские дома, вот только резные балясины были деревянными, а не каменными.

– Входите! – закричал Натан, когда мы позвонили в дверь – Не заперто!

С Натаном Розенфельдом мы встречаемся не так часто. Последние годы мы общались с ним в основном по телефону. Если не считать пару коротких посиделок в кафе, то лицом к лицу мы виделись в последний раз... Когда же? Кажется это было в начале ноября 56-го под Шарм-Эль-Шейхом, где я командовал гаубичным дивизионом. Он внезапно возник там как раз в тот момент, когда Авраам Иоффе⁷ сообщил мне, что египтяне отступили из порта и можно наконец прекратить обстрел. Наступила долгожданная тишина и тут-то и появился Натан по своим таинственным делам и с соответствующим таинственным видом. Я толком не видел его с конца 49-го, мы лишь обменивались приветствиями пробегая по коридорам Кирии.

– Как дела? – задал я тогда, помнится, дурацкий вопрос.

Он лишь криво улыбнулся в ответ и ничего не сказал, а я и не настаивал. До меня дошли слухи о гибели его сестры Дафны, но я не знал подробностей, а спросить не решился. Мы еще посидели за стаканом кофе там, на позиции моих батарей, вспоминая общих друзей и ту войну. Но было две темы, которые он напрочь исключил из нашей беседы: Дафна и Фрэнки-Шерман. Если я невольно касался одного из них в разговоре, он замыкался в себе и переставал отвечать на вопросы. Это был тем более странно, что по моим сведениям Фрэнки благополучно вернулся в свой Кентукки и столь же благополучно продолжал там выращивать свою кукурузу или что там у них растет. Я в свое время пытался писать ему на почтовое ведомство округа Тейлор, но ответов не получил. Потом, уже во время моей скоротечной учебы в Вест Пойнте, я пробовал до него дозвониться, но Фрэнка Кранца в списке телефонных абонентов округа не оказалось.

...Квартира Натана не представляла собой ничего особенного по тель-авивским масштабам: небольшая гостинная, совмещенная с кухней и две маленькие спальни. Одну из них, с разбросанными по полу игрушками, сразу оккупировала Шуля. Оттуда немедленно начали доноситься звуки возни: то ли катали по полу заводной грузовик, то ли укладывали спать упрямую куклу.

– Жена на работе, дети в школе – пояснил хозяин.

В квартире обнаружилась и нестандартная деталь – металлическая лестница на крышу, прикрепленная болтами к стене.

---

⁷ Генерал, командующий 9-й бригадой.

– Пойдем, подполковник – усмехнулся Натан – Там, на крыше и поговорим. Ты еще способен подниматься по таким лестницам?

Пришлось показать ему, как поднимаются по лестницам подполковники артиллерии. На крыше, на которую мы поднялись через застекленный люк, у него стоял колченогий стол и пара побелевших от дождя и солнца плетеных кресел. Перед нами, как на ладони, предстал весь город. Построенный на песчаных приморских дюнах, он почти такой же плоский как и Ленинград, но без ленинградских шпилей. Лишь купол синагоги на Аленби выделяется на фоне одинаковых плоских крыш. И крыши здесь не зеленые, крашенные, как в Ленинграде, а беленые, с такими же белыми баками солнечных бойлеров на них. Поэтому в ясный летний день на них невозможно смотреть без темных очков. Но сейчас был февраль и можно было без боязни смотреть на запад, туда, где белизна города переходила в синеву моря.

– Что ты думаешь, Изя, об обстановке в мире? – неожиданно спросил Натан.

В удостоверении личности у меня значится "Ицхак Шойхет", но так меня звали не всегда. В доизраильские времена я был известен как Исаак Резник или просто Изя, поэтому друзья по-прежнему меня так называют. Кстати, "Шойхет" – это не просто ивритизация⁸ моей русифицированной фамилии а еще и удивительное совпадение. Именно такую фамилию я получил от Томера Хейфеца в далеком Риме. У меня тогда был югославский паспорт на имя Иво Штернича, который не сулил мне ничего, кроме неприятностей. Вот тогда-то я и стал Шойхетом, а настоящий Ицхак Шойхет, чей паспорт я унаследовал, остался на военном кладбище под Равенной. Потом мы там хоронили Миху Шитрита, погибшего при штурме хорватской церкви и я неожиданно увидел надпись на своей могиле. Воистину, такое не каждому дано испытать. А вот Томера мне похоронить не удалось, он погиб при штурме Латруна.

Но Натан ждал ответа и я всерьез задумался. У нас в Израиле никогда не было скучно. Если на приграничные поселки не нападали фидаины, то начиналось внутреннее брожение и социалисты бодались с либералами, а те и другие вместе – с повстанцами из Вади Салиб. К тому же, наши добрые соседи спали и видели как бы этак половчее утопить всех евреев в море. Они особенно это и не скрывали, печатая в центральных газетах свои кровожадные планы, которые добрые европейцы благоразумно трактовали восточной иносказательностью. Поэтому большинство из нас не слишком интересовало то, что происходило за пределами страны. А там тоже творились дела и дела эти были не слишком хороши. По службе мне доводилось выезжать в Европу и Штаты и я все же немного представлял что творилось в мире. Наш земной шар, фаршированный ракетами и стратегическими бомбардировщиками, уменьшился, скукожился. Все стало так близко. Если начнется в Вирджинии или под Рязанью то рано или поздно докажется и до нас и вот тогда-то будет уже поздно...

– Все кто может зарываються поглубже в землю? – предположил я.

– Что-то в этом роде – согласился Натан – Похоже, что назрел кризис и нарыв того и гляди прорвется...

– А при чем здесь я? – возник у меня закономерный вопрос.

– Тебе что, безразличны судьбы мира? – улыбнулся он.

Это был провокационный вопрос и на него не следовало отвечать. Я и не ответил, а лишь посмотрел на него так, как смотрят учителя на полных придурков, которых все же приходится учить. Он смущенно почесал свежесбривший подбородок, помялся еще немного и осторожно начал:

– Мы, Изя, уже несколько лет живем в очень странном мире. Атомная, черт бы ее побрал, Эра... В этом мире есть оружие, которое легко может его, этот мир, уничтожить. А вот стабильности в этом мире нет. И доверия в нем тоже нет. Ну и как прикажешь с этим жить? Пока

---

⁸ "шойхет" – резник (идиш)

что бомба только у Штатов, СССР и Англии. Но французы дышат им в затылок и китайцы тоже не дремлют. Надо бы и нам понять, как жить в этом новом мире.

– Но у нас-то бомбы нет! – возмутился я, вскакивая с кресла.

Натан посмотрел на меня очень странно, как будто раздумывая, сказать или не сказать мне нечто такое, чего мне знать не полагалось. В конце концов он промолчал столь многозначительно, что я лишь ошеломленно плюхнулся обратно в кресло.

– Ну и дела! – было единственным, что мне удалось из себя выдать.

– Вообще-то я ничего тебе не сказал – проворчал он не глядя на меня.

– А я ничего и не слышал – мне наконец удалось перевести дух – Но я-то тебе зачем? У тебя наверное есть ученые, есть и аналитики.

– Все верно – ответил Натан – Есть и ученые, есть и аналитики. Причем ученые изучают, а аналитики... Что?

– Наверное – анализируют – мрачно предположил я.

– Молодец! И это все просто замечательно. Но этого мало. Мне нужен независимый взгляд, свободный от догм и незнакомый с мудреными методиками... Твой взгляд.

– Но почему именно я?

– А кому еще я могу доверять? В нашей конторе половина сотрудников завербована русскими, а вторая половина – американцами. И это еще только те, про которых мы точно знаем.

– Ну а ты? – ехидно поинтересовался я.

– Что я?

– Ты работаешь на КГБ или на ЦРУ? И откуда ты знаешь, что я не завербован уругвайцами?

Натан устало махнул рукой:

– Прекрати... Вот тебе я как раз доверяю. Поэтому поедешь именно ты.

Похоже, что мое согласие не требовалось. Вот так всегда.

– Куда ты меня посылаешь? – недовольно спросил я.

– Для начала – в Нью Йорк...

– Ну, это еще куда ни шло...

– А потом – на противоположную сторону...

Я невольно снова привстал в кресле и услышал то, чего опасался

– ...В Москву.

– Ты же знаешь! – вскричал я – В ту страну мне нельзя!

– Можно, можно – прозвучал спокойный ответ – Теперь уже можно.

Он пристально посмотрел на меня сквозь стекла очков и, помявшись, добавил:

– По крайней мере нас заверили, что сейчас тебе там ничего не грозит.

– Кто заверил? – машинально пробормотал я, понимая, что ответа не будет.

Ответа, разумеется, и не последовало. А ведь мое беспокойство было небезосновательным. После той давней истории с Рокоссовским и моего бегства из Вены, в СССР я считался дезертиром, ну а на забывчивость людей из МВД, успевшего превратиться в КГБ, рассчитывать не приходилось. С другой стороны, было бы интересно вернуться туда, где прошла моя юность, заглянуть в Максимилиановский переулок, задрать голову на купол Исаакия, пройтись вдоль гранитных набережных. Впрочем, Натан посылал меня в Москву, а не в Ленинград. Иерусалим и Москва продолжали поддерживать вялые дипломатические отношения и поэтому ничто вроде бы не препятствовало Ицхаку Шойхету посетить Златоглавую. А вот Изе Резнику следовало быть настороже и не высовываться, предоставив инициативу подполковнику Шойхету. О чем это я? Какой подполковник? В Москву поедет господин Шойхет, частное лицо и турист.

Как член Гистадрута⁹, исправно платящий членские взносы, он будет от души восхищаться столицей развитого социализма.

– Чего ты от меня ждешь? – возник у меня закономерный вопрос.

– Это не так легко сформулировать – Натан задумался – Несомненно, меня интересует твое видение Атомной Эры. Бомбу так просто не закопаешь, а забыть ядерные технологии уже вряд ли удастся. Значит надо научиться с этим жить и надо каким-то образом перестать бояться. Но как?

– Для этого тебе нужна команда философов и социологов, а не тупой служака-артиллерист.

– Пожалуй ты действительно малость туповат...

Он засмеялся, показывая, что шутит, но я не был уверен, что это всего лишь шутка. Как говорят в нашей стране: "В каждой шутке есть доля шутки".

– Может быть мне как раз и нужен непредвзятый взгляд служаки-артиллериста. А команда философов и социологов у меня уже есть. Только вот беда, ничего конкретного они не говорят.

– И ты надеешься получить это конкретное от меня?

– Ну вот, наконец-то понял. Нет, ты все же немного туповат.

Я сильно сомневался в своих аналитических способностях, но, похоже, о них речь и не шла. Пожалуй, если Натану нужно непредвзятое мнение, то я неплохой кандидат. С заумными социологическими теориями я не знаком, и слава богу. Газеты я все же читаю, но ограничиваюсь сводкой новостей. Хитрые же аналитические статьи на предпоследнем развороте я благополучно пропускаю, сразу переходя к объявлениям о продаже собак и знакомствах. Пожалуй, непредвзятее меня только Медный Всадник, да и то Пушкин, если судить по его поэме, наверняка отдал бы пальму первенства мне.

Как бы то ни было, мне следовало отбросить свои сомнения и запросить инструкции. Еще до того, как Шуля перебрала все игрушки натовых детей и заскучала, я получил список людей, с которыми должен был встретиться в Штатах. К своему огромному удивлению, номером первым шел мой старый знакомый Ричард Пайпс, памятный мне еще по Полтаве. Остальные же имена не были мне знакомы, за исключением Роберта Хайнлайна, которого я знал как писателя-фантаста, хотя книги его и не читал. Московские встречи Натан оставлял на мое усмотрение, справедливо предполагая, что нужные люди сами меня найдут. Под конец он удивил меня еще раз.

– Не хочешь ли немного попутешествовать? – спросил он – Хайнлайн живет в Колорадо и ты можешь добраться туда дня за три-четыре на машине. Обратное сможешь вернуться самолетом из Денвера.

Я не возражал, но Натана, похоже, интересовало другое.

– А по дороге наведишь Фрэнка на его ферме – добавил он, внимательно посмотрев на меня через очки.

Я лишь неопределенно пожал плечами, но Натану этого, похоже, оказалось достаточно. Неужели он знает меня лучше, чем я сам? И в чем его интерес? Спрашивать было бесполезно и я решил искать ответы в Кентукки. Наверное, именно на это Натан и рассчитывал. Но меня уже требовательно звала дочка.

У нас с ней еще оставалась вся вторая половина дня и я повел было ее в зоопарк, располагающийся за зданием тель-авивского муниципалитета. Но апатичные тигры и унылые львы, которых наверное подкармливали валерианкой, мою Шулю не слишком вдохновили. К счастью от зоопарка было совсем недалеко до набережной Яркон, где как раз недавно открыли лодочную станцию. По мне, так катание на лодке по мутной по зимнему времени реке, не может

---

⁹ «Всеобщая федерация рабочих Земли Израильской» – израильский профсоюз.

сравнится с выходом на шаланде в море. Однако Шуля была в таком восторге, что мы и не заметили, как стало темнеть. Сима, наверное волновалась и я позвонил из автомата ее соседке, у которой был телефон. Это меня вполне устраивало, так как в такой приятный вечер мне не хотелось выслушивать гневные реплики разъяренной матери. К тому же, это был мой последний вечер с дочкой перед долгой и непростой поездкой.

Всю дорогу домой Шуля спала, свернувшись калачиком на заднем сиденье и в Хайфу мы вернулись бодрыми и веселыми. Сима, отнеслась к нашему позднему возвращению неожиданно спокойно и даже вызвалась меня проводить. Был уже поздний вечер, а она по-прежнему выглядела соблазнительно в своем полосатом домашнем халатике.

– Ничего страшного, все равно ей завтра не в школу – сказала она – Я договорилась на работе и посижу с ней. Так что можешь спокойно пересчитывать свои минометы. А как у тебя насчет послезавтра?

Пришлось рассказать ей про поездку, не раскрывая, впрочем, пикантных деталей про Фрэнка и Москву. При этом известии она заметно потемнела лицом и мне показалось, что из нее выпустили воздух, как из воздушного шарика. Даже лицо ее, казалось заострилось.

– Если бы не твоя работа... – она не договорила.

– Служба, милая, а не работа – поправил я ее и, подумав, спросил, как бы невзначай – Как ты думаешь, у вас в Электрокомпании, найдется что-нибудь для подполковника артиллерии в запасе?

Она быстро взглянула на меня и тихо сказала:

– Я спрошу... – а потом, помолчав, осторожно добавила – Ты возвращайся побыстрей.

Побыстрей у меня вряд ли получится, подумал я. На самом деле про Электрокомпанию я спросил только, чтобы порадовать Симу, меня ведь уже давно приглашали инженером в Солтам на испытания тех же минометов. Но это тоже означало демобилизацию, не которую я еще никак не мог решиться. Теперь же видимо пришло время. Мне было хорошо известно, в основном от Шули, что Сима неоднократно пыталась устроить свою личную жизнь после нашего развода. Вот только что-то у нее все время не получалось и теперь я, с присущим мне оптимизмом, начал догадываться о причинах. Ведь и со мной происходило то-же самое.

Неожиданно, она придвинулась ко мне совсем близко, так что я мог видеть ее карие глаза, и осторожно поцеловала в губы. О нет, это вовсе не был страстный поцелуй. Он скорее походил на робкий поцелуй невинной девушки и мне это почему-то понравилось. Ее губы пахли мятными конфетами, а сама она пахла морем. Впрочем у меня все хорошее пахнет морем, уж не знаю почему.

– Ты только не подумай чего! – заявила она категорично и посмотрела на меня взглядом налогового инспектора.

– Я вообще никогда и ни о чем не думаю – весело сказал я, наблюдая за тем, как она взлетает вверх по лестнице – Ты только Шуле пока ничего не говори.

– Нахал! – донеслось до меня сверху.

Потом я поехал к себе в Бат Галим. Мне еще следовало поразмыслить кое о чем, и в первую очередь о человеке по имени Фрэнк Кранц. Фигура это оказалась многим странной, хотя на первый взгляд ничего загадочного в нем не было. Фермер из Кентукки, сын фермера из Кентукки и, надо полагать, внук такого же фермера, он незнакомому человеку мог на первых порах показаться открытой книгой. Ни замкнутым ни угрюмым я бы его не назвал, впрочем как и излишне откровенным тоже. Никто так толком и не знал, что именно привело его в еще не существующий Израиль. Никто, кроме, пожалуй, меня. Как-то, когда мы еще шли на мексиканском судне "Торmenta" из Мальты в Хайфу, он признался мне, что не имеет еврейских корней и ранее его ничего не связывало ни с евреями ни с Палестиной.

– Ты знаешь, Изя – рассказал он как-то мне – У нас в округе Тейлор никто живого еврея и в глаза-то не видел. Так что до поры до времени все мои познания об евреях ограничива-

лись Священным Писанием, которое я, признаться, изучал не слишком прилежно. Уже потом в учебке и в Нормандии я немного повидал мир и разных людей, но мы тогда как-то не слишком интересовались национальностями. Мы попросту всех делили на "наших" и "наци". Вот только тринадцатого апреля 45-го все для меня изменилось. В этот день я стал евреем, правда обрезания не сделал.

Я тогда постеснялся его спросить, что же произошло в тот апрельский день и лишь потом узнал от Томера, что тринадцатого освободили Бухенвальд. Мне нетрудно было предположить, что он там увидел, ведь я побывал в послевоенном Майданеке.

В Пальмахе Кранца прозвали "Фрэнки-Шерман" потому что он был неотделим от двух своих танков, которые всегда умудрялись появляться в нужное время и в нужном месте. А после войны Фрэнки куда-то пропал. Поговаривали, что он вернулся к себе в Кентукки. И действительно, он всегда говорил: "Вот дойду до Иерусалима, и обратно в округ Тэйлор". Но меня удивило и немного обидело, что он даже не зашел попрощаться. Я пытался расспрашивать Натана, но тот сразу замыкался в себе или переводил разговор на другую тему. Он явно что-то знал, но делиться своими знаниями не собирался. Думать об этом дальше было бессмысленно и я начал собираться. После моих блужданий по Европе и особенно после службы на южной границе, сборы не занимали у меня много времени.

На следующий день я вылетел в Брюссель рейсом Сабены. Наш Боинг 707 начал набирать высоту, оставляя внизу Шулю, Симу, Натана, мой зеленый "Рено" и все эту удивительную страну, ставшую мне родной за пятнадцать лет. Промелькнули плоские крыши Тель-Авива и началось море. Я пытался заснуть в мягком удобном кресле, но сон не шел. Перед закрытыми глазами возникала сиреневая вспышка над горой Кармель, старые дома из изъеденного временем иерусалимского камня, сгорающие в атомном пламени, текущие серым песчаником, исчезающие. Я видел как во всепожирающем ядерном огне плавилась плоские крыши Тель-Авива, дом Натана на улице Йосеф Элиягу, стены Старого Иерусалима за протянутой иорданцами колючей проволокой, оливковые сады Изреельской долины и виноградники Иудеи. Этого не должно было случиться, этого нельзя было допустить, но атомный гриб над Израилем уже поднимался где-то там в неведомо кем вычисленных доверительных вероятностях возможного будущего. И теперь я летел в неизвестно-куда для того, чтобы эта вероятность никогда не превратилась в реальность, чтобы такое абсолютно неправильное будущее стало невозможным, ушло в небытие. На этой мысли я наверное и заснул и спал как сурок все пять часов до Брюсселя.

Старые друзья

Округ Тэйлор, Кентукки, март 1962

Фрэнк Краниц

Средний Запад – это вам не восточное побережье и уж точно – не Европа. Помнится, в Европе меня поразило то, что зима у них считается с декабря месяца. У нас же на Среднем Западе зима берет свое только в январе, а уже март-то самый что ни на есть настоящий зимний месяц. Поэтому март-месяц в наших местах мертвое время. В полях, засыпанных снегом, делать нечего и большинство из нас катается в гости к соседям или попивает бурбон в Кембеллсвилле. Я же тихо сижу дома и пью кофе, хотя тоже не дурак выпить один-другой бурбон. Вот только настроение не то. Если продышать дырочку в оконной наледи, то можно поглядывать в окно, прихлебывая горячий напиток. За окном все бело и спокойно. Белы поля, выделены снегом амбар и гараж, и даже изгородь поседела от инея. Наш проселок тоже завален снегом и до весны я его трогать не собираюсь. Белый – цвет покоя и умиротворения. Эта белизна успокаивает и можно не думать ни о чем. Иногда мне это удается, а иногда не очень. Тогда ко мне подходит бабуля, которая все на свете замечает и заставляет заниматься каким-нибудь совершенно ненужным делом. Вообще-то мне давно уже полагалось бы спиться, но Стэнли еще мал, да и Дафна бы не одобрила. Ну вот, опять... Я же обещал себе не думать. Просто смотри на снег...

От нашей фермы до города миль десять, но мы всегда говорим "двадцать" – так солиднее. Вначале надо проехать почти милю по проселку, потом по окружному шоссе. Во времена моего детства зимой все было завалено снегом и мы на всякий случай еще с осени запасались провизией на три месяца. Но после той войны округ закупил снегоочистительные машины из списанной армейской техники, и теперь по шоссе можно проехать уже на следующий день после снегопада. Мой же проселок я не чищу за ненадобностью. И вправду, зачем? Продукты мне привозят и оставляют там, где этот проселок упирается в окружное шоссе. Обычно это делает почтальон, которого просят в городской продуктовой лавке. Он оставляет их в деревянном сундучке, чтобы не сожрали голодные койоты, волки или медведь-шатун. Туда же он кладет и почту: газеты для меня и комиксы для Стэнли. Писем я не получаю. Телефона на ферме нет и почтальон забирает из почтового ящика список покупок: их он привезет мне через две недели. За продуктами я хожу на охотничьих лыжах, доставшихся мне еще от деда. Иногда я надеваю их и иду на пригорок, где размахивает голыми ветками одинокая сикамора. Я стою долго, пока одежду не покинет все тепло дома и я не начну замерзать. Там у меня получается не думать и так я и провожу зимние дни. Летом будет полегче, летом надо работать в поле. А пока что эта бесконечная зима все длится и длится...

Обычно, меня отрывает от таких бессмысленных рассуждений моя мать, которую мы со Стэнли зовем бабулей. Но сегодня это был соседский мальчишка, старший сын Нельсона и Ненси. Их ферма, это последнее что осталось от небольшого поселка, населенного в свое время исключительно черными. Потом поселок захирел, народ подался, кто в город, а кто и дальше на запад. Осталась лишь ферма Нельсона.

– Дядя Фрэнк – заорал парнишка – Там к тебе какие-то янки приехали. Они не могут проехать по проселку.

Вот только этого мне и не хватало. По мне, так если им надо, то могут и по снегу пройти, не так уж он и глубок. Но постойте, парнишка сказал "янки"? Значит это не налоговый инспектор. Я с удивлением почувствовал, что меня начинает разбирать любопытство. Ну что ж, проселок следовало расчистить хотя бы из вежливости. Я пошел в гараж и попытался завести трактор, надеясь в душе, что он не заведется после месяцев простоя. Как же, держи карман

шире, ты же сам регулировал карбюратор. Трактор завелся с пол-оборота, как наша с Нельсоном "коробка" по тревоге в Арденнах. Бульдозерный отвал был уже укреплен и я с грохотом выехал из гаража под изумленными взглядами бабули и Стэнли, выскочивших на галерею. Трактор рычал, отваливая налево пласты снега и это знакомое рычание успокаивало меня, как рев танкового мотора перед боем. Вскоре показалось шоссе и светло-зеленый "Бьюик" на обочине. Интересно, кто бы это мог быть? Но через заиндевевшее стекло все равно ничего не было видно. Я помахал им рукавицей и повернул назад, отваливая снег с другой половины проселка. "Бьюик" медленно пополз за мной. Перед домом я покрутился еще немного, расчищая площадку, и наконец счел свою миссию выполненной и загнал трактор обратно в гараж. Когда я вернулся к дому, гости уже здоровались с бабулей и малышом. Наверное, сегодня воскресенье, подумал я, раз мой Стэнли не в школе. Вообще-то, он не так мал и в свои двенадцать лет уже начинает проявлять замашки подростка: упрямство и самостоятельность. Или то, что он считает самостоятельностью... Во всяком случае, с "янки" он здоровался как взрослый. Но постойте, я же знаю одного из них! Мне улыбался немного постаревший, слегка обрюзгший, но все еще легко узнаваемый Изя Шойхет.

– Шалом Фрэнки! – сказал он на иврите – Как поживаешь? Как твоя кукуруза?

Интересно, как меняются времена, подумал я. Помнится, в прежние годы Изе плохо удавалось сдерживать эмоции. А вот сейчас у него было такое выражение лица, как будто он не видел меня со вчерашнего дня и пришел сообщить цены на рынке в Рамле. Иврита я не слышал с 50-го года и был уверен, что напрочь его забыл. А вот теперь выяснялось, что ничего я не забыл и я не знал, радоваться этому или огорчаться.

– Тут тебе не Россия – проворчал я, с удивлением слыша как из меня легко выскакивают полузабытые ивритские слова – У нас тут под снегом ничего не растет.

Бабуля и сын вытаращились на меня как краснокожие на "Мэйфлауэр". Впрочем, бабуля тут же поджала губы, догадавшись на каком языке мы говорим. Второй "янки" вежливо улыбался.

– Познакомьтесь с мистером Ричардом Пайпсом – Изя перешел на английский.

Бабуля опомнилась и началась светская беседа. У Изи неплохой английский, но за янки его мог принять только нельсоновский балбес. Мистер Пайпс же говорил почти чисто и мог бы, пожалуй, сойти и за янки, но и с ним что-то было явно нечисто. К бабуле он вежливо обращался – "мадам", стараясь вытягивать это слово на средне-западный манер. И у него почти получалось, но именно "почти". Впрочем, нашу бабулю ему обмануть не удалось, но воспитание взяло свое и поджатия губ я больше не наблюдал, хотя мамина речь звучала пожалуй несколько суховато. Но тут на огонек зашел Нельсон на своих снегоступах и она сразу оттаяла. Нельсона она привечала всегда, а после того, как он вытащил меня из горящего танка, она в нем просто души не чаяла.

Гости приехали, как и полагается в наших местах, со своими продуктами. То ли их проконсультировали по дороге, то ли Изя вспомнил сибирские, или какие там были у него в детстве, обычаи. Бабуля, как и полагается, попыталась отказаться, причем, не слишком настойчиво. Среди припасов были и окорок (ох, Изя, куда смотрит раввинат), бутылка мадеры (на которую уже плотоядно поглядывала бабуля) и разные другие разности. Не было там только ни комиксов, ни моделек самолетов и я понял, что Натан так ничего Изе и не рассказал. И без того мой израильский гость слишком уж подозрительно поглядывал на забившегося в угол Стэнли и явно прикидывал на кого еще, кроме меня, он похож. Я конечно был рад увидеть старого боевого товарища, но не могу сказать, что мне так уж интересовала причина его приезда, по крайней мере поначалу. Как и принято, мы первое время говорили о чем угодно, только не о том, что каждого из нас интересовало. Бабуля, совершенно растаяв, сделала нам по кружке грога, нелишнего в такую погоду и начались неторопливые рассказы, разумеется про ту войну. Изя поведал нам историю о своем бое под Нарвой, которую я уже слышал пару раз. Нельсон

в ответ рассказал как мы с ним горели в Арденнах. Эту историю я слышал от него уже раз сто и поэтому прервал ее на середине. Впрочем, лицо Нельсона выглядело красочнее любой танкистской байки и Изя тщательно старался на него не смотреть. Пайпс же только едва незаметно посмеивался и я ехидно поинтересовался, что он делал в те годы. Оказалось, что он служил в авиации в какой-то Полтаве. Не знаю в какой это было стране, но они с Изей понимающе переглянулись и я, учитывая едва заметный акцент второго гостя, подумал о Польше. Мне тоже следовало что-нибудь рассказать и я поведал о том как Изя всегда задевал за что-нибудь в своем "Шермане", рвал одежду и поэтому всегда выглядел босяк-босяком.

– Поэтому ты и заменил меня на Гинзбурга? – проворчал он.

Ежи был записной враль и представился поначалу как ветеран Эль Аламейна. Только много позже он признался мне, что части Андерса не участвовали в том сражении и свой единственный бой он принял во Фландрии в составе 1-й Бронетанковой, когда его "Крусейдер" сразу же подожгли фаустники. Но он оказался танкистом милостью божьей, не чета Изе, поэтому я его простил. А Шойхет как был канониром, так канониром и остался, правда, судя по всему, неплохим.

Тут я мельком посмотрел на Стэнли и внутренне похолодел. Он слушал с огромным интересом, даже раскрыв от усердия рот и благоразумно не задавал вопросов, хотя ему явно очень хотелось. Похоже, он еще не понял, в какой стране воевали мы с мистером Шойхетом, но до этого было уже совсем недалеко. Я бросил беспомощно-панический взгляд на бабулю и она, поняв меня без слов, утатила внука из гостинной. Наверное – делать уроки, что в корне противоречило ее христианской морали, потому что сегодня было воскресенье. Бедная мама, мало ей того, что я не вожу Стэнли в церковь. Правда иногда она пытается делать это сама. Хорошо хоть что церковь далеко и пешком по снегу до нее не добраться. Посмотрев по сторонам, я понял, что наши с бабулей манипуляции не укрылись от Изи и, похоже, от мистера Пайпса тоже. Только один Нельсон вроде бы ничего не заметил.

Наконец разговор зашел о цели их приезда и тут мне начали открываться любопытные горизонты. Вначале Изя некоторое время мямлил нечто невразумительное про Атомную Эру, но было заметно, что он и сам толком не понимал с чем ее едят. Его миссия была так же туманна как и мое будущее и он это прекрасно понимал. Наконец, прозвучало имя Натана, но в подробности Изя не вдавался, лишь все время посматривал на Стэнли, который снова пробрался обратно в гостинную. Шойхету похоже было непонятно, какие именно надежды возлагал на него Натан. А вот мне все было ясно как божий день – Натан был в отчаянии и хватался за соломинку. Такой соломинкой и был Изя. Я неплохо знал Натана и уже видел его однажды в таком состоянии, когда... Но про это мне думать не следовало и я благополучно перестал думать, тем более, что Пайпс наконец заговорил. Оказалось, что он профессор философии из Гарварда. Вот чего нам не хватало в нашем округе, так это профессоров философии. Именно так я и выразился, поинтересовавшись, какого именно хрена его сюда занесло? Он хитро улыбнулся и спросил:

– А вы сами-то как думаете, мистер Кранц?

Теперь все, включая Нельсона и Стэнли, уставились на меня. Изя знал меня как облупленного, Нельсон тоже, да и профессор похоже был весьма непрост, поэтому изображать тупую деревенщину не имело смысла. Но и раскрываться перед ними я не торопился, тем более, что у Стэнли уже ушки были на макушке.

– Ищите, где бы построить бомбоубежище? – осторожно предположил я.

Нельсон расхохотался:

– Верно говоришь, Фрэнки, на нашу глушь у них бомб не хватит. Тут у нас ни баз ни заводов нет.

Я в этом не был так уж уверен. Под Ричмондом на базе Блю Грасс по слухам хранилось химическое оружие, да и в совсем недалеком Форт Ноксе творилось что-то уж совсем непонятное. А Нельсон все гнул свое:

– Есть у меня один лужок на продажу... Много я с вас не возьму, лишь только обдеру как липку. Ну как?

Но я-то видел, что ему вовсе не смешно. Пайпс это тоже заметил и сказал ласково:

– Спасибо, но это не для нас. Лучше подождите, пока денежные мешки побегут на запад. Вот только боюсь что тогда зеленые бумажки будут годны только на растопку.

– Что же тогда делать? – спросил Нельсон – Зарываться поглубже? Подружиться с кротами?

Было заметно, что сейчас он думал о своих детях. А вот Стэнли, широко раскрыв свои темные как ночь глаза, выжидающе смотрел на меня. Иисусе, как он похож на мать! Не бывает таких глаз в Кентукки, не бывает! Надо ему что-то сказать, успокоить... Но что?

– Я уверен, что решение есть – твердо сказал я, глядя на сына.

На самом деле никакой уверенности у меня не было. Да что там, я не имел ни малейшего представления ни о таком решении, ни о том с чем его едят. Но Стэнли это знать не следовало.

– Я тоже в этом не сомневаюсь – сказал Пайпс, украдкой посмотрев на мальчика – Но это уже дела секретные. А есть ли у вас, молодой мистер Кранц, необходимый допуск от Министерства Обороны?

Такого допуска у Стэнли не оказалось и я, бесконечно благодарный Пайпсу, отослал его спать наверх, проследив, чтобы дверь на чердак была плотно закрыта.

– Так есть ли решение? – требовательно спросил я, обращаясь к Пайпсу.

– Вот его-то мы как раз и ищем – ответил тот.

Вся его мягкая насмешливость куда-то исчезла, сейчас он был серьезен и напряжен.

– "Вы" – это кто?

– Мы, это независимая сила.

При этих словах я невольно вскинулся, потому что мне мало верилось в "независимость" какой-либо силы. Нас, провинциалов, обычно не воспринимают всерьез, а ведь мы-то и есть та самая "сторона", с которой лучше видно. Мне как раз было совершенно ясно, что любая "сила" недолго окажется бесхозной и ее "независимость" иллюзорна. Пайпс, очевидно, прочел мои мысли. Это было и нетрудно, я их не умею скрывать, наверное моя лицевая мускулатура для этого не приспособлена.

– Пожалуй, "сила" – это слишком громко сказано – усмехнулся он – Но зато мы независимы. Пока независимы. Хотя я и работаю на одно федеральное агентство, но его никто в Вашингтоне всерьез не воспринимает и, соответственно, я не ангажирован.

– То есть – не куплен! – неожиданно резко произнес Изя.

– Не куплен – согласился Пайпс.

– И я тоже – сказал Изя – Хотя и работаю на Натана и его службу о которой я не имею ни малейшего представления.

– А все остальные? – спросил Нельсон – Они что, все закуплены на корню? Интересно, как покупают аналитиков? В розницу или оптом? Наверно, оптом дешевле?

– Вы не поверите, но многие покупаются сами. Некоторые по глупости, а некоторые по жадности. Но и это глупость. Как они не понимают, что благословенные зеленые бумажки быстро потеряют свою привлекательность после пары-тройки термоядерных взрывов?

Тут уж Изя счел нужным вставить свои пять центов:

– Мы с Ричардом пытаемся понять кто есть кто в сегодняшнем раскладе.

– Зачем? – хором спросили мы с Нельсоном.

Это прозвучало забавно, но нам не было смешно. Действительно, зачем?

– А вот давайте-ка вместе подумаем, кто может желать ядерной войны?

Пайпс был сейчас удивительно похож на одного преподавателя из колледжа в Лексингтоне, где я проучился аж целых полтора года. На большее у моего папаши не хватило денег. Потом я попытался накопить на продолжение учебы, но тут началась та война...

– Ну, кто мне назовет хотя бы парочку причин чтобы всех нас поджарить в адском пламени?

Он не оставлял свой менторский тон и теперь уже напоминал проповедника из церкви в Кембеллсвилле. Но вопросы он задавал правильные.

– Власть? – предположил Нельсон

– Над чем и над кем? Над выжженной землей и над больными и покалеченными, которых надо кормить, поить и лечить? Надо быть параноидальным маньяком, чтобы стремиться к власти над полумертвым миром. К сожалению, встречаются и такие маньяки, да к тому же уже наделенные властью и жаждущие еще большей власти. Они настолько алчут этой власти, что готовы на все и их не заботят последствия. Некоторых из них не слишком страшит постапокалиптический мир. Разумеется, это будет не слишком приятный мир. Да что там, это будет совершенно отвратный мир. Зато они в нем будут альфа-самцами и поимеют все “стадо”. Поэтому рвущихся к власти любой ценой ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов... Еще какие-нибудь идеи?

– Нажива? – неуверенно сказал Изя.

Я видел, что он и сам в это не верит. Наш профессор, к моему удивлению, его поддержал:

– Не исключено, разумеется – сказал он – Впрочем, это тоже вид власти. Тут, правда, есть и своя особенность. Дело в том, что при глобальных катастрофах деньги обесцениваются, а заводы разрушаются. О да, есть немало таких, что славно заработали на добыче оружейного урана, производстве ракет и изготовлении индивидуальных бомбоубежищ. Но меньше всего они заинтересованы в том, чтобы их уран взорвался, их ракеты взлетели, а их бункеры понадобились. Парадоксально, но факт. Эти люди наши союзники и они первые встанут между красной кнопкой и идиотом, пытающимся ее нажать.

– Уж не они ли спонсируют нашу поездку в Москву? – спросил Изя.

Тут я впервые услышал о безумном плане визита в СССР. Не могу сказать, что меня это сильно удивило, наверное потому что все мои мысли были сейчас о Стэнли. А еще – о Дафне... Обычно мне удавалось загонять их глубоко в подсознание, или как там это называется в глянцевых журналах, но сегодня у меня это плохо получалось...

– Они самые – Пайпс был спокоен, как пастор на похоронах – И они-то как раз и являются нашими самыми верными союзниками. Однако они же и создают опасность глобальной катастрофы. Подумайте сами... Когда по каждому кустом спрятана баллистическая ракета, то красных кнопок становится слишком много, чтобы уследить за всеми. Удивительное и противоречивое сочетание: враги и союзники, союзники и враги... Поэтому этих я тоже вписываю в перечень.

Он обвел нас усталыми глазами и усмехнулся:

– Но есть еще одна причина, которая может привести к смерти мира, причина, которую я бы назвал самой главной и, соответственно, самой опасной. Ну, кто мне ее подскажет?

Он смотрел на меня в упор, игнорируя Нельсона и Изю. Очень не хотелось озвучивать то, что я предпочитал хранить внутри себя, но пришлось сказать:

– Страх!

Вот и прозвучало это слово, завершившее короткий список угроз для человечества, для округа Тэйлор и для Стэнли. Власть, Нажива, Страх. Три всадника Апокалипсиса. Впрочем, их вроде бы было больше? Неважно, нам и трех хватит. Да что там, нам и одного достаточно. Наверное, я говорил вслух, потому что Пайпс задумчиво повторил:

– Всадники Апокалипсиса... Пожалуй, так и назовем наше маленькое исследование. Вот нам и предстоит определить, кто есть кто и какой из всадников мешает нам еще немного пожить.

– Просто, как хозяйственное мыло – пробормотал Изя.

Я не знаю, что такое хозяйственное мыло, но простой эта задача мне не показалась. К счастью этот разговор постепенно иссяк и мы еще немного поболтали о разных пустяках, чему способствовала вторая порция грога, во время поданная бабулей. Вот только мне не понравились те многозначительные взгляды, который она все время бросала на меня. Видно лицевое недержание эмоций у нас семейное. Я тут же постарался выбросить эти мысли из головы и мне это почти удалось. Единственное, что меня продолжало смущать, это то зачем им нужен был я. Действительно, зачем им было трястись на своем "Бьюике" по нашему не слишком хорошему шоссе? Неужели только для того, чтобы узнать мое мнение о радужных перспективах Атомной Эры? Или Изя просто хотел взглянуть на Стэнли о существовании которого он до сегодняшнего дня и не подозревал? И тут я сообразил задать вопрос о том, куда они потащатся после округа Тэйлор. Не обратно же в свой Нью-Йорк? Ладно, с фермером из Кентукки они худо-бедно разобрались. Куда же дальше вел их путь? Вот тут и прозвучало имя Роберта Хайнлайна, писателя-фантаста из Колорадо, но оно мне ничего не говорило, да и беллетристику я не читаю, хватит с меня и газет. Правда где-то на другом конце нашего штата было Хайнлайновское кладбище, но оно явно не имело отношения к писателю-фантасту.

Когда бабуля радушно предложила гостям переночевать в свободной комнате, меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны я был рад снова увидеть Изю, но меня свербилло опасения, что он возьмет да и ляпнет что-нибудь лишнее при сыне, у которого и так были ушки на макушке. Как мне помнилось, Изя никогда болтуном не был, но береженого бог бережет как говорила монашка, одевая презерватив на свечку. Впрочем, не выбрасывать же их было на мороз по ночному времени. Я только со злорадством подумал о том, что гостевая у нас плохо отапливается и изнеженному теплом израильянину в ней придется несладко. Но тут я вспомнил, что Изя родом из России, да еще откуда-то с севера, и мне стало стыдно.

Нельсон засобирался домой и я вызвался его подвезти, благо проселок был расчищен. Мой "Форд" предстояло еще расконсервировать после зимней спячки и Пайпс предложил мне воспользоваться его "Бьюиком". Так мы с Нельсоном и сделали, а Изя увязался с нами. Я привязал нельсоновы лыжи к крыше и мы неспешно двинулись в путь. До нельсонова поселка, от которого остался только его дом, от нас немного – мили три по шоссе. Днем одно удовольствие дойти туда на лыжах, но ночью дело иное. У нас тут можно и стаю волков встретить, а зимней порой это не всегда безопасно. Поэтому я сдал старого танкиста и лыжи с рук на руки его Нэнси, которая за это чмокнула меня в щеку. Всю обратную дорогу я невольно давил на акселератор, потому что прекрасно понимал зачем Изя сел в машину. Наверное, я ехал недостаточно быстро, потому что он помялся, помялся и начал:

– Подскажи-ка, командир, что мне рассказать Натану?

– Скажи ему, что миссия продвигается успешно – проворчал я, делая вид что не понял намека.

– Не пудри мне мозги! – упрямо потребовал он.

– Ты это про что? – промямлил я только чтобы протянуть время.

Ну где же, вашу мать, поворот на этот гребаный проселок? Но Изя не отставал:

– Это я про натанова племянника...

Ему наконец удалось сложить два и два и получить результат. Я счел за лучшее промолчать.

– Он что, еще ничего не знает?

Изя разумеется говорил про Стэнли, но тут у меня сдали нервы и я, ударив по тормозам, засадил машину в придорожный сугроб. Ничего, у "Бьюиков" крепкие бамперы. Чего не скажешь о моих нервах.

– А что, что ему надо знать?! Что?! – орал я – Что есть страна, где убивают рожаящих женщин? Где с двенадцати лет детей учат стрелять? Где постоянно идет война? Зачем ему это знать?! Зачем?!

Он молчал, давая мне время утомиться.

– Тебе все равно придется рано или поздно... – начал было он.

– Знаю! – я не дал ему договорить – Только я еще не готов. И ты тоже не должен...

– Клянусь – тихо сказал он.

Последняя фраза была сказана на иврите и пришлось признать, что на древнем языке это прозвучало категоричнее. Вот и все, теперь между нами все было сказано и, не знаю, как ему, а мне стало легче. Дома я поднялся на чердак и осторожно открыл скрипучую дверь. Стэнли спал, но спал беспокойно, ворочаясь. "Мама, мамочка" прошептал он не открывая глаза и у меня привычно сжалось сердце...

Проснувшись на следующий день утром я первым делом услышал разговор Изи с моим сыном в гостиной. Стэнли – жаворонок, в мать, и частенько встает раньше меня.

– Скажите, сэр – требовательным голосом спрашивал мой отпрыск – Вы давно знаете моего старика?

Ишь ты, "старика"! А ну послушаем, как мой друг будет отбредиваться. Изю я знал хорошо и был уверен, что на его вчерашнее обещание вполне можно положиться.

– Какой я тебе "сэр", юный Кранц? – Изя явно тянул время – Зови меня лучше по имени.

– Хорошо, Айзек – Стэнли был непреклонен – Так вы его давно знаете?

– Порядочно – последовал уклончивый ответ – Хотя мы и много лет не виделись.

– Вы тоже были танкистом?

– Был, но недолго. Я все больше в артиллерии воевал.

– А после 50-го года вы с ним встречались?

Умеет же считать, паршивец. И подходы у него тонкие, так что скоро Изю надо будет вырывать. Но пока что Шойхет держится достойно.

– Нет, после 50-го мы не виделись.

Он явно решил, не иначе как по наивности, что все подводные камни уже позади и расслабился, а напрасно. Немедленно последовал "тачдаун":

– А когда вы последний раз видели мою маму?

Это было так ловко и изящно проделано, что я испугался за Изю и выскочил ему на помощь в одних трусах.

– Доброе утро! – заорал я, ловя благодарный взгляд Изи и разочарованный – сына...

После плотного кентуккийского завтрака с яйцами, жареной картошкой и кофе, мои гости собрались уезжать. Вот только собирались они как-то странно, неспешно и все время поглядывая на меня. Чего им надо? И что надо мне? Между нами явно оставалось что-то недосказанное. Проблему неожиданно решила бабуля, проворчав:

– Ладно, Фрэнки, не ломайся. Я тебе уже кое-что собрала.

Порой нелегко осознавать, что другие понимают тебя лучше, чем ты сам. И все же честнее будет это принять, чем противоречить самому себе из принципа. Но все же меня раздирали противоречия, от которых можно избавиться только крепким словом. Ругаться на родном языке при матери мне не позволяет воспитание. Иврит же в этом отношении слабават: видно некоторые высказывания Моисея, Давида и Соломона не дошли до наших дней. Поэтому я пробормотал про себя пару слов по-арабски и пошел собираться.

Жизнь в страхе

Колорадо Спрингс, апрель 1962

Ицхак Шойхет

Я неоднократно бывал в Нью Йорке, Вашингтоне и Сан Франциско, но, похоже, до сих пор не видел Соединенных Штатов настоящей Америки. Только здесь, на краю Среднего Запада, я смог наконец представить, что делается в голове истинного американца. Не сам, конечно, а с помощью Фрэнка, который испытал это на себе. Представьте себе: вот живет себе такой парень среди аккуратненьких одноэтажных дощатых домов и ничего другого не знает и знать не хочет. Он с неодобрением поглядывает на соседа-итальянца, зачем-то надстроившего еще один этаж на своем доме. Да что он в своем уме этот макаронник? Он что пытается конкурировать с семиэтажным небоскребом на Бродвее в центре Колорадо Спрингс? А зачем ему украшения на фронтоне? Все равно не будет красивее, чем на здании кинотеатра. Такой парень конечно читал и видел на экранах и Нью Йорк и Лондон и Париж, но никогда не ассоциировал эти сказочные города с реальной жизнью, в глубине души считая их красивыми аллегориями. Представляю, какой шок испытывали такие ребята во время войны, проезжая на своих "виллисах" по Елисейским Полям или проходя по Пятой авеню Нью Йорка. Потом они возвращались в свои округа Тэйлор и большинство из них благополучно забывало и Париж и Нью Йорк. И только для немногих из них, таких как наш Фрэнки, распахнутый мир так и остался большим. Для остальных же с окончанием войны их мирок снова скукожился и уютно закуклился в границах их одноэтажного округа.

Вот именно таким деревянно-одноэтажным раем и выглядел Колорадо Спрингс, когда мы медленно въехали в него на своем "Бьюике". Ближе к центру среди заросших зеленью коттеджей с аккуратно подстриженной лужайкой начали появляться такие же аккуратненькие бензоколонки, кафе и ресторанчики с неизменной кричащей надписью: "Самые Лучшие Гамбургеры по Сю Сторону Миссисипи". Пайпс, в свои студенческие годы пересекший автостопом всю страну, утверждал, что дальше на запад все то же самое, только ближе к океану "Гамбургеры" постепенно вытесняются "Устрицами", а слово "лучшие" заменяется на "свежие". Потом, ближе к центру, город все же приподнялся, появились более солидные дома, но и на них был заметен неочевидный, но вполне различимый для внимательного наблюдателя налет провинциальности.

И все же это был необычный город. Это была граница, фронтир между прериями на востоке и горным массивом на западе. Именно здесь бескрайние кукурузные поля уступали место тенистым глубоким каньонам и заснеженным пикам. Отсюда начиналась территория золотоискателей и горняков, а где-то там за горами уже наверное чувствовалось пряное дыхание океана. Именно в этом городе Тесла построил свою загадочную лабораторию и проводил не объясненные до сих пор эксперименты. Тут он поймал таинственные радиосигналы, объявленные им радиопередачей с другой планеты, но на проверку оказавшиеся результатами опытов Маркони на другом конце нашей планеты. Здесь летали его наэлектризованные бабочки, освещающая ночные бульвары и парки.

Наши спонсоры, которых раскопал Пайпс и о которых я имел самое смутное представление, не мелочились и мы позволили себе остановиться в лучшем отеле города на Невада авеню. Гостиница именовалась "Майнинг Эксчейндж" и это название напоминало о былой славе города горняков.

В ответ на телефонный звонок Пайпса, Роберт Хайнлайн назначил нам встречу в находящемся неподалеку кафе-мороженом "Мишель". Когда мы туда зашли, то сразу поняли, где находится местный культурный центр. Таким центром не была ни методистская церковь, ни

соперничающая с ней мормонская и уж точно не масонская ложа. Кого только не было в этом кафе. Разумеется, здесь сидели веселые девицы в разноцветных однотонных юбках веселых тонов. На них искоса поглядывали компании розовощеких юнцов в светлых пиджаках и плохо повязанных галстуках. Аккуратно, как на картинке, одетые старушки чинно попивали свой шоколад, а парочка квартирных маклеров, сняв пиджаки и оставшись в белых рубашках с красными галстуками, ненавязчиво охмуряла растерянных молодоженов. Именно здесь в кафе на Техон стрит в самом центре города и собирались те, кому не подходила ни одна из церквей, лож и ночных клубов.

Хайнлайн появился в "Мишеле" практически одновременно с нами. После процедуры знакомства я наблюдал с каким интересом он посматривает на нашу пеструю компанию. Действительно, номером первым у нас выступал высоколобый гарвардский интеллектуал, профессор Ричард Пайпс. Вслед за ним следовал фермер из богом забытых глубин Кентукки, истинное воплощение деревенщины. Боюсь только, что писателю была неизвестна русская поговорка про тихий омут. Ну и наконец, список замыкал я, "дважды еврей", как называли израильтян в Нью Йорке, существо загадочное и непредсказуемое по определению.

– Итак, друзья мои, зачем я вам понадобился?

Мы как раз расселись вокруг круглого столика, обитого розовым пластиком и принялись за свой кофе. Я не первый раз в этой стране и не обольщаюсь по поводу американского кофе. Зато напиток оказался горячим, и на том спасибо. Но Хайнлайн ждал ответа и ответил, разумеется, Пайпс:

– Мы тут образовали своеобразный клуб исследователей угроз для нашего мира.

– Этакая лига защиты тюленей от оленей – вставил я – И наоборот.

Пайпс посмотрел на меня неодобрительно, покачал головой, но ничего не сказал.

– Ну а при чем тут я?

– Вы писатель-фантаст, а фантасты порой выступают как футурологи и, частенько, получше тех же футурологов. Кроме того, кое-что из написанного вами сбылось.

– Лучше бы не сбылось – проворчал Хайнлайн – Но позвольте мне кое-что прояснить...

Мы энергично закивали и выжидающе уставились на него.

– По моим наблюдениям есть несколько причин по которым писатель обращается к фантастике. Одни из нас пишут фантастику, потому что так проще. Они создают романы о звездных войнах потому что либо не умеют либо не хотят описывать войны настоящие.

– И я их хорошо понимаю – тихо, так что только я расслышал, прошептал Фрэнк.

– Иные же пишут о будущем которое жаждут. О, как оно прекрасно, это их воображаемое будущее. Как всем нам, и им в первую очередь, хочется в таком будущем пожить. Вот они и пишут, желая чтобы оно наступило.

– Флаг им в руки – сказал я – Только мне что-то плохо верится.

– Мне тоже – грустно улыбнулся Хайнлайн – Поэтому третьи фантасты пишут о будущем жестоком, ужасном и омерзительном. О таком будущем, которого они не хотят. Они предостерегают. Поименуем же чудовище, считают они, и может быть нам удастся избежать его...

– К какой же категории вы относите себя? – осторожно спросил Фрэнк.

– Я прошел все три стадии и сейчас плотно завяз в третьей.

– В чем, по вашему опасность термоядерного конфликта? – спросил Пайпс – Что может его вызвать?

– Их несколько – задумчиво произнес Хайнлайн – Я бы назвал власть, наживу и страх. Но наиболее опасным я полагаю страх.

Сейчас он невольно перефразировал изречение Апостола Павла, которое мне неоднократно приходилось слышать на Мальте. Вот только там фигурировали Вера, Надежда и Милосердие. Этими именами на острове прозвали три маленьких биплана, защищавших мальтий-

цев от итальянской воздушной армады. Я представил себе звено самолетов несущих имена "Власть", "Нажива" и "Страх" и мне стало неудобно. Фрэнк и Пайпс переглянулись.

– Почему именно страх? – спросил Фрэнк.

– Власть и нажива еще поддаются какому то контролю. Не всякий захочет властвовать над мертвым миром, даже если все самки будут принадлежать ему. Нажива, это та же власть, не буду на этом останавливаться.

Сейчас он почти буквально повторял слова Пайпса, сказанные тем в доме Фрэнка два дня назад. Слышать их Хайлайн конечно не мог, но тут поневоле задумаешься об истоках плагиата.

– Страх же иррационален – продолжал писатель – Он властвует над нами, определяет наше поведение и он же нас погубит, если только мы не научимся...

Он сделал паузу.

– Не бояться? – спросил я.

– Нет! – Хайлайн вскочил, расплескав свой кофе – Не бояться плохо! О, как это соблазнительно – первым нажать на кнопку, ведь тогда закончится наконец весь этот ужас. Небольшая война, пара-тройка сожженных городов и уже не нужно будет просыпаться в поту по ночам. Вот только боюсь, что несколькими городами дело не обойдется.

– Так что же тогда?

– Надо научиться жить со страхом!

– Но я не хочу бояться! – не очень уверенно возразил Фрэнк.

– А придется! – теперь он был категоричен – Придется, если хочешь продолжить жить в этом, а не в постапокалиптическом мире. Нам надо будет привыкнуть контролировать свой страх.

Пайпс, долго молчавший, открыл наконец рот:

– Как я понял, мистер Хайлайн хочет сказать, что страх перед войной должен стать больше страха перед противником. Я прав?

– Несомненно! Профессор прекрасно выразил мою мысль, намного лучше чем это сделал бы я. Могу ли я использовать вашу формулировку в одной из своих статей?

Пайпс согласно махнул рукой.

– Итак, друзья мои – продолжил Хайлайн – Мы приходим к выводу, что ядерную войну невозможно выиграть, в ней можно только попытаться выжить, да и то вряд-ли. Меня только смущает концепция Ограниченной Ядерной Войны. Как вы к ней относитесь, профессор?

– Я ее всецело поддерживаю! – невозмутимо ответил Пайпс.

Мы с Фрэнки и Хайлайн ошарашенно уставились на него. Так, наверное, глядели евреи на Теодора Герцля, позвавшего их в Уганду.

– Я всецело за концепцию, тем более, что я один из ее авторов – подмигнул нам Пайпс – Но только за концепцию, а не за саму войну. Концепция же эта весьма хороша тем, что прекрасно демонстрирует свою собственную абсурдность. И чем дальше – тем больше. Вообще-то идиотизм атомной войны любого рода, ограниченной или нет, очевиден для любого здравомыслящего человека. К сожалению, не все представители рода homo sapiens достаточно sapiens. Есть еще фанатики, сумасшедшие и просто дураки, причем некоторые из них почему-то оказались у власти. Вот для них-то мы и разработали концепцию Ограниченной Ядерной Войны, чтобы и этих проняла вся абсурдность такой затеи.

– Ну и как, проняло? – скептически проворчал я.

– Я вижу, что у вас нет иллюзий в отношении власть предержащих – сейчас он звучал намеренно цинично – Все верно! Если бы мы приводили одни лишь доводы разума, гуманизма или совести, то над нами бы только посмеялись. Но мы тоже не первый год замужем и представили им сухие отчеты, многократно размноженные и подшитые в аккуратные папки. Такие серьезные бумажки не выбросишь и не проигнорируешь. Тут поневоле задумается и последний фанатичный идиот. Тем более, что в наших аналитических отчетах черным по белому ясно

показано, что любая локальная война с применением ядерного оружия неизбежно перерастет в глобальную. Эти отчеты мы благоразумно разослали во все конкурирующие федеральные агентства, а также устроили славную утечку в прессу.

– И вы верите в благоразумие тех людей?

В голосе писателя мне послышался скепсис пополам с робкой надеждой. Пайпс ответил не сразу.

– Я думаю... Нет, я надеюсь, что шанс есть. Знаете ли вы, что во время той войны обе стороны воздержались от применения химического оружия, а Япония – и от бактериологического. Меня только смущает Москва, ведь ядерное оружие – оружие бедных. Вот вскоре наш Айзек поедет туда и потом все расскажет.

– Если вернусь – проворчал я.

– Вы едете в СССР? – вскричал Хайнлайн.

Я обратил внимание, что он сказал именно СССР, а не Россия и не Москва. Людям свойственно использовать эвфемизмы там, где истинное звучание может вызвать страх, зависть или еще какую-нибудь ненужную эмоцию. Так например, наши арабские соседи избегают слова "Израиль", предпочитая называть мою страну "сионистским образованием". Наверное они надеются, что моя страна эфемерна и боятся что она может материализоваться. Вот и в Штатах, как я успел заметить, многие боялись произносить вслух слова "Советский Союз" или "СССР". Хайнлайн явно был не из этих и не боялся "страшных" слов.

– Мы с женой были там совсем недавно и могли бы многое рассказать – продолжил он.

– Изя тоже – засмеялся Фрэнк – Ведь он оттуда родом. С севера, кажется?

– Из Ленинграда – подтвердил я – Но я не был в той стране лет пятнадцать и подозреваю, что мистер Хайнлайн теперь знает ее лучше меня.

– Ленинград – замечательный город – произнес писатель дежурную фразу

При этом я, наверное, невольно поморщился и он тактично переменял тему.

– Последнее время мне приходит в голову тема фантастического романа – при слове "фантастический" он невесело усмехнулся – Он про Третью Мировую. Оригинальная тема, не правда ли? Представьте себе, что у кого-то не выдерживают нервы, кто-то нажимает на кнопку и начинается... Наши "Юпитеры" несутся на Москву, Киев и Ленинград. Да, мистер Шойхет, на ваш прекрасный город Ленинград... И вот через двадцать пять минут по обеим сторонам Невы дымятся обугленные развалины дворцов и отравленные воды реки текут в Финский залив. А Москву удаётся защитить взорвав перед несущимися на нее "Юпитерами" несколько десятикилотонных зарядов. Да-да, друзья мои... У меня есть приятели и поклонники в Стратегическом Командовании и я в курсе... Итак, Москва спасена, но жить в ней невозможно – воздух вокруг города заражен. Половина СССР лежит в руинах, а в остальной части жизнь медленно умирает – все заражено, и земля и вода. Людьюми движет отчаяние и огромная танковая армада начинает двигаться на запад, в сытую и благополучную Европу. И вот перед наступающей танковой армадой встают лиловые грибы атомных взрывов в безумной попытке остановить безумное наступление. Европа горит с востока на запад и через какое-то время ее больше нет – есть лишь радиоактивная пустыня, в которой неподвижно застыли русские танки и бродят отчаявшиеся, обезумевшие люди. А у нас... У русских меньше ракет, и многие сбиты, но несколько последних "семерок" достигают Нью-Йорка, Вашингтона и Атланты. Обширные территории Нью Джерси, Вирджинии и Джорджии становятся непригодными для жизни, а миллионы беженцев движутся на запад. Их встречают выстрелами на границе частных владений, но несчастным нечего терять и они тоже вооружены. Начинается... О нет, это не гражданская война. Это война всех со всеми.

– Вы это написали? – осторожно спросил я.

– Нет – отрезал Хайлайн – Это либо напишет жизнь, либо никто. Хватит с меня пророчеств.

Он замолчал, мы тоже молчали, не зная что сказать. Наконец, писатель сам прервал это гнетущее молчание:

– А знаете что? Не продолжить ли наш разговор у меня дома. Признаюсь, этот разговор интересует меня не менее чем вас.

Дом 1776 на Меса авеню оказался на самой окраине города. Снаружи он не представлял из себя ничего из ряда вон выходящего: одноэтажное строение с прилепшимся к нему гаражом на две машины. Хайнлайн загнал сюда свой грузовичок "Додж", а наш "Бьюик" мы запарковали, прижав его к забору на улице. Но когда мы зашли в дом, то испытали настоящий шок. Это был удивительный высокофункциональный дом, в котором была тщательно продумана каждая мелочь. Встроенные в стены диваны разворачивались в двуспальные кровати, встроенные полки подсвечивались крохотными лампочками. Встроенная мебель была расставлена раз и навсегда, не предполагая ни перестановок, ни замен. Восхитительную картину незыблемости портили только пианино и раздаточный столик на ножках, на котором уже заняли свое место бокалы с бурбоном. Совсем небольшая кухня, ненамного больше израильской, было очаровательно функциональна, а раздаточное окно соединяло ее с гостиной. Но на этом чудеса не закончились. Хозяин продемонстрировал нам коротковолновую радиостанцию, резервный генератор электричества, скважину для забора воды и еще многое другое, что делало его дом крепостью как у поросенка Наф-Нафа. Да, тут можно было переждать небольшую локальную войну или набег апачей, вот только апачей давно уже не следовало опасаться. Многие, и Сима первая, упрекали меня в том, что у меня на лице отражаются мои мысли, включая те, которым я сам не отдаю отчет. Вот и сейчас я, похоже, не смог скрыть своего отношения к этой миницивилизации. Тут неожиданно выяснилось, что хозяин разделяет мой скепсис.

– Но все это лишь костыли для безногого, не более того – хмуро сказал он – Красиво и забавно, но, боюсь, бесполезно. А вы что скажете?

– Мне очень понравился ваш дом, мистер Хайнлайн... – начал было Пайпс.

– Роберт, просто Роберт – прервал его хозяин – Итак, тебе понравился наш дом. Но? Ведь есть какое-то "но". Верно?

— Тогда пусть я буду Ричард, окей? Мне действительно очень не хочется тебя обидеть...

– Мой дом слишком функционален? Для ума, но не для души?

– Нет, вовсе не это. По мне, так он просто великолепен. Более функционален, чем красив, но это же здорово. Казалось бы, это дом весьма передового человека. Последние достижения техники для быта и отдыха... Современные решения... А с другой стороны...

– А с другой стороны – с усмешкой подхватил Хайнлайн – Это дом консерватора. Верно?

– Вроде бы так – подтвердил Пайпс – Ведь он рассчитан на то, что годами никому не придет в голову передвинуть кровать...

– Ты считаешь меня консерватором?

– В том-то и дело что нет. Будь ты консерватором, все было бы проще. Я сам либерал, но считаю консерваторов неотъемлемой частью общества...

– Так кролику необходим волк в лесу... – вставил Фрэнк.

– Умеете же вы, мистер Кранц выразить все одним словом – снисходительно подтвердил Хайнлайн.

Он еще не успел узнать Фрэнка, а вот умница Пайпс сумел кое-что понять пока мы добивались до Колорадо. Поэтому он смотрел на Фрэнка выжидающе и не ошибся.

– ... Вот только кролику это невдомек – добавил тот.

Теперь и писатель посмотрел на него иначе.

– Так консерватор я или нет? – обратился он к Пайпсу.

– Не думаю – медленно сказал тот – Вот только как же с домом?

– Да, как же с ним?

В голосе Хайнлайна прозвучала странная смесь насмешки с нетерпением.

– Мне кажется... – Пайпс говорил по-прежнему медленно, как бы взвешивая каждое слово – ... что ты пытался создать нечто устойчивое в этом неверном и ненадежном мире. Нечто такое, что не изменится ни через год ни через десять.

– Интересно – задумчиво произнес Хайнлайн – Я никогда об этом не задумывался. Вы думаете, я перегнул палку?

– Ни в коем случае – запротестовал я – Дом-то в любом случае замечательный.

– Да, а что с ним будет, когда неподалеку упадет мегатонная бомба? Вряд ли он выдержит взрывную волну. И где тогда окажется его надежность и незыблемость?

– Значит надо, чтобы она не упала.

Мы задумались. Потом Хайнлайн снова заговорил:

– Вынужден признать, что в том что сказал Ричард есть большая доля правды.

Он ненадолго остановился и обвел нас внимательным взглядом.

– Долгие годы подряд постапокалиптическое будущее представлялось мне таким крахом безудержной урбанизации и торжеством простой сельской жизни. Да что там, где-то в таких глубинах подсознания о которых мы даже и не подозреваем, я жаждал термоядерной катастрофы. О, да! Ведь лишь тогда исчезнут наконец в адском пламени все эти рассадники пороков, злобы, зависти и тяжелых наркотиков (травку не трогать, это же святое)! Так пусть же атомный огонь вылизет наши социальные язвы и оставит только чистое и правильное. Нет, я бы не нажал сам на кнопку, нет! Но я готов был благословить того, кто это сделает. Зарывайтесь глубже в землю, твердил я, копайте глубже! Глупец!

Он остановился передохнуть и глотнуть бурбона. Теперь он старался на нас не смотреть.

– Производители индивидуальных бомбоубежищ должны были молиться на меня, да они так и делали, и теперь я понимаю откуда появились анонимные спонсоры. Каким я был глупцом! Я даже себе построил такое убежище. Долгое время я тешил себя иллюзией того, что существует такая вещь как провинция и в этой самой провинции можно зарыться поглубже и переждать трудные времена. Наш богом спасаемый Колорадо Спрингс казался мне именно такой тихой обителью, в которой можно построить дом на века и переждать в нем следующую войну. Поэтому мне был нужен генератор и коротковолновая рация. И все же я начал пристраивать к этому дому бомбоубежище. К моему вечному и неизменному дому. Зачем? Может это строительство центра управления НОРАД в глубине горы Шайенн неподалеку помогло мне избавиться от наивных заблуждений? Или я просто немного поумнел?

– Убежища не спасут! – уверенно сказал Фрэнк – Когда мы из них вылезем, то просто не захотим видеть то, что осталось от мира!

– Поэтому вы хотите не дать миру сгореть? Но как?

– Пусть профессор объяснит! – сказали мы с Фрэнком почти одновременно.

Пайпс невесело усмехнулся и начал:

– Мы считаем, что прежде всего надо установить тех, которые стремятся нажать на кнопку. Мы с вами уже определили, что ими движет. Это и есть та самая несвятая троица: Власть, Нажива и Страх. Теперь надо назвать людей, которые ее олицетворяют. А потом...

– Да? А что потом?

Я заметил, как руки Фрэнка невольно сжались в кулаки, а костяшки пальцев побелели. Но мы все понимали, что это не метод.

– Потом мы будем действовать индивидуально.

Это прозвучало у Пайпса не слишком убедительно и я попробовал объяснить.

– По эту и по ту сторону океана обстановка совершенно разная и рычаги давления, которыми мы располагаем здесь и там совершенно различны.

Если честно, то я повторял слова Пайпса, то что он разжевывал нам с Фрэнком по дороге в Колорадо. Но в Советский Союз предстояло лететь мне, а не ему и он хотел убедиться, что Айзек Шойхет достаточно хорошо выучил урок. Сейчас он одобритительно кивал.

– С этой стороны Атлантики существует независимая пресса и голоса избирателей – подержал он меня – Порой бывает достаточно опубликовать острую статью в уважаемом издании, чтобы авиация заглушила моторы, а корабли вернулись в гавань. В нашей истории такое уже бывало. Правда уважаемому изданию потребуются неопровержимые факты, но это уже наша забота. А вот в Москве это не поможет по причинам, которые наш хозяин, в свое время побывавший там, прекрасно представляет. Там Айзеку придется искать альтернативную силу.

Он заметил наше удивление и продолжил:

– Я имею ввиду влиятельных людей... Да что там – влиятельных! Я говорю о людях стоящих у власти или очень близко к ней. Надо найти среди них вменяемых и помочь им узнать о тех, кто облизывается на их красную кнопку. В этом и состоит задача Айзека. Задача, прямо скажем, нелегкая. Давайте для начала послушаем рассказ Роберта про его анабазис.

– Нет, до открытых военных действий дело там не дошло – улыбнулся Хайнлайн.

Это был занимательный рассказ, обильно сдобренный юмором и поддержанный веселыми репликами присоединившейся к нам жены писателя, Вирджинии. Меня особенно позабавил ее русский язык, пестревший всевозможными ошибками, но все же вполне понятный. Кое что из рассказанного Робертом было легко узнаваемо, кое-что весьма походило на преувеличения, но в целом это было весьма познавательно для человека, покинувшего ту страну полтора десятилетия назад. На остальных рассказ Хайнлайна, напоминавший историю о локальной войне на истощение, произвел скорее гнетущее впечатление.

– Не обижайся Айзек, но я боюсь, что ты не справишься – осторожно сказал Пайпс – Просто не сумеешь прорваться к нужным людям.

– Пожалуй, я бы поехал туда вместе с тобой – неожиданно заявил Фрэнк.

Все, не исключая меня, с удивлением уставились на него. Наверное в наших глазах читался вопрос чем может мне помочь кентуккийский фермер в далекой полуазиатской стране. Я знал Фрэнка лучше всех, поэтому опомнился первым и спросил деловым тоном:

– Как ты видишь свою роль в этой поездке?

Он понимающе кивнул мне и пояснил:

– Я буду проводить отвлекающий маневр, как в танковой атаке. Приму огонь на себя и дам тебе ускользнуть. Мне это будет нетрудно, уж слишком я заманчивый для них персонаж.

Наверное он вспомнил мои рассказы о классовом делении в СССР и справедливо полагал, что к американскому фермеру отношение будет получше, чем к подозрительному израильтянину. На самом деле дела обстояли не так просто, как ему казалось, но в этой идее несомненно было рациональное зерно. К тому же мне просто-напросто хотелось иметь рядом с собой надежного человека, а надежнее Фрэнка я не знал никого с марта 48-го года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.